

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Одна война закончилась другой...

...Одна война закончилась другой.
Мой дядя, брат отца, ушёл на фронт.
Ушёл он добровольно? Я не помню.
Но помню – от бессонницы ушёл,
От белых окон
и ночных испугов,
От резких тормозов на повороте.
Он шёл с мешком вдоль пыльного арыка,
А я бежал, цеплялся и просил
Взять в плен фашиста,
Если он не сдастся, –
Ударить пашкой,
Или так на штык,
Или ногой в живот –
Пусть будет больно,
Порезать руки,
Чтобы кровь хлестала...
Он сбоку поглядел в мои глаза,
Дед хмуро кашлял и плевал под ноги...
Всё реже в домик приходили письма,
Потом пришло одно.
В нём говорилось:
Мой дядя пал хорошей смертью храбрых.
А я не понял,
И был счастлив я,
Увидев слово храбрый.
Дед не плакал.
Решил старик, застенчивый, угрюмый,
Проехать полстраны с голодным внуком,
Чтоб разыскать
Могилу сына.
Дед не разрешал
Сынам своим лежать в чужой земле.
Я помню – полустанок, зной, бесхлебье,
Солдаты в пролетающих вагонах,
Разбитая земля, остовы танков,
Голодное ворьё пустых вокзалов,
Сожжённые деревни и коровы,
Разбухшие от порыжелых трав.
Я помню – реки, реки, реки,
Дожди, то моросящие, то ливни,
Стволы осин, дубов заплесневелых
И глина, глина, глина по колено.
Нам показали дядину могилу,

Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой – глиняный бугор.
Дед помолился, пожевал насвая,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такую,
Как наша,
Только мокрой. Я запомнил.
Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румянными щеками.
И злая, как соседка. Я запомнил.
Мой дед не обращал на них внимания,
Он снял бешмет и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.
И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румянными щеками,
Сказала. Я запомнил.
– Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат.
Мой дед уже чуть понимал по-русски,
Он осторожно вытащил лопату,
Рукой погладил рану в чёрной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребятишки.
Дед, плача, пел арабскую молитву,
А я гонял травинкой муравьёв.

Кадыр МУРЗАЛИЕВ

Мы знаем, как никто на свете...

Мы знаем, как никто на свете,
Войны отчаянья и мглу.
Всё больше старики да дети
Тогда работали в тылу.
Мы жаждали героических действий,
Хоть сами были с ноготок.
И оставалось наше детство
Среди полей и у дорог.
Мы, не забыв о самом ценном,
Туда спешили как один,
Где центром тихого райцентра
Являлся хлебный магазин.
Считался хлеб удачей дерзкой,
Слепил, как счастье или свет.
И оставалось наше детство
У магазинов давних лет.

Теперь найдёшь его едва ли,
Коль прежде к сроку не поспел...
А жизнь мы сразу начинали
Со взрослых дум и зрелых дел!

Перевод Владимира Савельева

Мукагали МАКАТАЕВ

Февраль 1941 года

Завьюжил он,
Мороз трещит.
Аул весь снегом занесён.
Война, зияя бездной, продувает
Стихию неба, землю, слышен стон.

Восстань!
Взывать и завтра будет нагло
Война к трудолюбивым бедолагам:
Вместо лопаты взял оружие на брань,
Она исполнит роль врага с отвагой.
Взывать война и завтра будет нагло.

На небе месяц – старая подкова,
Подует ли мороз трескучий снова?!
Здесь бабушка моя на родине своей
Вшивает амулет в карман холщовый.

А он сидит.
Теперь всё выпито до дна,
И разум беспокоит малая мечта.
Взбодрись, отец.
Известна же тебе борьба,
Борьба необходима сильным как судьба.

Надежда где, к чему такой упадок?
Взбодрись, отец.
В дорогу тебе надо.
Пока в груди твоей есть нищая душа,
Она и без тебя отыщет благо.

Тебя я не утешу, Мама, ты стой,
С молитвой к небесам ты обратись простой.
А если наш хозяин дома не вернётся,
Отец найдётся ль нам
когда-нибудь другой?!

...Просила Мама милая, молилась,
Мечта, однако, не осуществилась.
Не верю вовсе в то, что мой отец погиб,
Ведь он живым из дома удалился...

*Перевод
Жаната Баймухаметова*

Туманбай МОЛДАГАЛИЕВ

Сирота

Уже два года, как война идёт.
Два дня белым-бело от снегопада.
Два дня не отворяет мать ворот,
Два дня корову не гоняет в стадо.

И в школу я не бегаю теперь,
Не думаю о лыжах в пору стужи.
Два дня, как мы не отрываем дверь,
Сугробами припёртую снаружи.

А нынче солнце озарило дом,
Хоть ветер и свистит ещё сурово.
И мать, вздыхая, думает о том,
Что околеет с голоду корова.

Но кто стучит, взобравшись на крыльцо,
Не бригадир ли – грозный воин тыла?
А может быть, соседка письмецо
Сегодня утром с фронта получила?

Туда мы приоткрыли дверь с трудом,
Где снег взметался от земли до неба,
Где стылый ветер завывал свирепо...
Ссутулившись, вошёл мальчишка в дом
И тихо попросил кусочек хлеба.

А раз мы хлеб другому отдаём,
То голод над душой ещё не властен.
Потом мне часто снилось, как вдвоём
С тем сиротой брели мы
сквозь ненастье.

Потом буран большой войны иссяк,
И всё переменялось понемногу,
Ты выжил ли,
мой маленький земляк,
Нашёл ли меж сугробами дорогу?

Откликнись! Песней разомкни уста!
Какой буран ни завывал бы в уши,
Обычная людская доброта
Всегда сильнее голода и стужи.

И, одолев не первый перевал,
Всё не спешил я счастьем насладиться,
Всё нашу встречу я переживал,
Всё память надо мной
кружила птицей...

*Перевод Владимира
Савельева*

Владимир ТРИСЕЕВ**О Бессмертном полке**

Нельзя, чтоб память улетела
К погибшим, с ними в небеса,
А молодое поколение
Забыло, что была война.

Нельзя забыть о героизме,
Когда сознательно ушли
На бой, отдавши свои жизни
Во имя Родины сыны.

Бессмертный полк благословенно
С небес спустился и пошел,
С почетной памятью погибших,
Всех не вернувшихся отцов.

И нет семьи, чтоб не задела
Осколком страшная война.
О сколько судеб разгромила,
О сколько судеб развела...

Пусть смотрят, знают поколения
Уроки пройденной войны.
Во имя нас без сожаленья
Сложили головы бойцы.

Пришло теперь и наше время
В бою за память победить!
И подвиг славного солдата
От пересудов защитить!

13.05.2018

Любовь ШАШКОВА**Ванька-бусел**

Побачь, побачь,
узнав буслы лятять...

Откуда? –
То ли посвист белых крыльев,
То ль вытянутый в небе силуэт,
То ль зов скрипучий над водою
сонной –
Родит вдруг эту детскую дразнилку.
Побачь, побачь!
И может, ты услышишь
Из детства, из годов пятидесятых
Наш голос, наше топанье и свист:

«Бусел, бусел,
Длинноносый
Продал боты,
А сам босый».

Ну право, разве это не смешно,
Как важно размышляет эта птица
Над кругом бочкового колеса,
Как свесила она свой длинный нос
И будто бы глядит в недоуменье
На красные, босые свои ноги:
Бусел, бусел...

...А дядька Ванька
с кличкой Ванька-Бусел
Похоже, что давно уже смирился,
К тому же милосердная родня
Простить ему, наверное, не может,
Что в дни, когда нутро у дядьки жжёт,
Он, чтоб унять проклятое то жженье,
Готов продать не только сапоги.
А после молча ходит по деревне,
Босые ноги окуная в пыль,
И будто напряжённо что-то ищет.
Всё ищет, ищет и, не находя,
Сидит в пыли и что-то там бормочет,
И в эти дни к нему – не подходит.

Зато потом, когда его отпустит,
Становится он сразу разговорчив
И первому попавшему расскажет,
Что сторожит быков в своем совхозе,
А это – ох, нелёгкая работа! –
Зато быки из племсовхоза «Дружба»
Первейшие не только что в округе,
Но на валюту за кордон идут,
И значит он – совхозный Ванька-бусел –
К большому бизнесу имеет отношение...
А то, что снова продал сапоги, –
Так их в сельпо полно – бери с полочки.
Он купит. Отчего бы не купить?

И так бы можно долго его слушать –
Родную мову с клекотом буслиным, –
Но только что-то перехватит горло,
И станет мне совсем не до беседы,
Да и о чём тут можно говорить,
Коль аистов давно в деревне нету,
Ушли они с осушенным болотом,
С речушкой, что в Березину впадала.
Остался от речушки только мостик,
Осталась от буслов дразнилка детям,
И думают, наверно, эти дети,

Когда бегут за дядькой Ванькой вслед,
И свищут, и топчут, и кричат
Знакомые слова, совсем не злые:
«Бусел, бусел
Длинноносый
Продал боты,
А сам босый», –
То думают, наверно, эти дети
В сандалиях, в штанишках городских,
Что аистов других и нет в природе,
Что он и есть тот аист настоящий,
Тот длинноносый, тот гусиношей,
С худыми, словно жердочки, ногами.
Сейчас он одну ногу подожмёт,
Глаза прикроет и впадет в дремоту,
Ну чисто бусел над своим гнездом...

Всё это так. Но ногу поджимать
У дядьки Ваньки надобности нету,
Она и так значительно короче
Другой его единственной ноги.
А потому, если сказать по правде,
И в сапогах – в двух –
Нет нужды особой,
К тому же много ль надо человеку,
Коль он живет на свете бобылем...

А хату его вместе с тёткой Марьей,
Вместе с детьми – стояла хата с краю –
Спалил фашист зимой в сорок втором.
Тогда, в войну, по этим крайним хатам
Так много люди молчаливо знали,
Такой ценой платили за молчанье,
Что кажется мне нынче:
Поговорка про хату с краю
Рождена Иудой
И к детям его вяжется сейчас.

Рассказывают люди пожилые,
Что дядька Ванька выскочил из лесу
С подмогою своею партизанской,
Да было поздно: свечкою стояла
В вечернем небе Ванькина изба.
И был огонь её далеко виден,
И тем огнем нутро ему ожгло,
И волосы золой припорошило...

– Побачь, побачь, узнов буслы лятят!

1985

Ольга ШИЛЕНКО

Дед

Всё яростней болезни грызли деда...
Он умирал. Но к февралю воскрес.
Сказав, что всё ж дожждётся
Дня Победы,
что ещё сходит на охоту в лес.

Теплел, сиял из-под сурочьей шапки
глазами дед, когда чинил ружьё.
И между прочим говорил всё бабке,
что печь по-новой сложит для неё.

Девятого, хоть снова ныли раны,
он сапоги начистил, как привык,
и объявил в селе, что на собрание
в честь Дня Победы явится как штук.

...Когда ж часы дарили ветеранам,
то говорили речи не спеша...
Уже их получили все Иваны,
Марат и два Николы Кузьмича...

Настал черёд – назвали имя деда.
Ещё его же кликнули, ещё...
Да кто же умирает в День Победы,
когда так светит солнце горячо?!!

Не верилось слезе и слову бабки.
Но разом встали, головы склонив,
стоявшие у входа сняли шапки.

...Не знал о том
концертный коллектив.
Настраивался контрабас за сценой,
всплакнула флейта, засмеялся альт.

...А он хотел в июне плыть за сеном.
И лодку снарядил в такую даль.

Сагин-Гирей

Иудино семя

Разведчикам
блистательного прошлого,
обросшего кудрявым мхом легенд,
придётся, видно, очищать от пошлого
налёта лжи Победы монумент.

Он, Памятник – из праха убиенных,
из крови и жестоких ран отцов.
Но есть уже шакалы и гиены,
готовые к растлению Основ.

Они в газетах твякают статьями,
зловонья подпускают в наш эфир:
мол, не согласны за кордоном с нами,
мол, остальной иного мненья мир.

Мол, что имеем ныне, победители?
И отчего встаём опять с колен?
А там, за океаном, всё провидели:
пройдет полвека – и возьмут нас в плен.

Когда б не с праведным огнём
и гневом мы,
когда б не вера в торжество добра,
и духа от провидцев этих не было б,
зияла б мироздания дыра!

...Отец мой тихо умирал, слабея
от старых ран, завещанных войной.
Как он стерпел бы эту ахинею,
глумленье над великою страной?

Ушёл отец, позора не изведав.
Река времён обратно не течёт.
И всем торгующим ценой Победы
героев внуки да предъявят счёт.

Разбить хотело б Памятник до крошева
ворьё с иудиным клеймом на лбу!
И сталкерам армагеддона прошлого
пытать ещё военную тропу

И пригвождать предателей, поганящих
святую память тех, кто укротил
всемирной Злобы ад
и на пожарищах
вновь сад разбил
и плод Добра взрастил...

8 мая 2021

Лидия СТЕПАНОВА

* * *

Мы родились, когда все пушки
смокли. И затихла даль.
Нам первой детской игрушкой
была отцовская медаль.

И наши мамы были рады,
что позади война и страх.
И нас, как высшую награду,
держали в худеньких руках

Лев ЩЕГЛОВ

Юноша, не помнящий войны

Вами, сударь, нынче недовольны все,
Более чем кем-либо досель.
Ваши возмутительные вольности
Тщательно заносятся в досье.
Вы подсудны в качестве ответчика,
Вы, едва родясь, уже должны.
Персонаж поэтов и газетчиков –
Юноша, не помнящий войны.

Вы теперь какие-то особые...
Пьёте, что ли, более отцов?
Или всё пошло от модной обуви?
И вообще – не то у вас лицо!
Зря мы, что ли, вам пахали, сеяли?
Вы б до гроба кланяться должны!
Льёте воду на какую мельницу,
Юноша, не помнящий войны?

Вы меня пошлёте к чёрту, юноша, –
Замолчи, мол, старый демагог.
Но не мне, а вам придётся в будущем
Разбирать сумятицу дорог.
И не мне, а вам греметь набатами
На грядущих форумах страны,
И не будет вам пути обратного,
Юноша, не помнящий войны!

Уж не знаю, хорошо ли, плохо ли
Мы для вас сработали житьё.
Только вам командовать эпохой
И держать ответы за неё.
Только вам и каши все расхлёбывать,
Те, что нами в спешке сварены.
Так что сами уж смотрите в оба вы,
Юноша, не помнящий войны.

Лишь в одно я только верю искренне –
В дни, когда забудется война
И у вас серебряными искрами
На висках проступит седина,
И когда придут другие юные
И наденут новые штаны,
Будут мучить их речами умными
Дедушки, не знавшие войны.